

СБОРНИК ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ
ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО СОВМЕСТНОГО
ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИЙ

Следственного комитета Республики Армения
Следственного комитета Республики Беларусь
Следственного комитета Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2017 г.

СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СБОРНИК ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ
ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО СОВМЕСТНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИЙ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ,
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Таврический дворец
27 апреля 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Выступление.	4
Тезисы выступления Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина	8
Выступление Председателя Следственного комитета Республики Армения А.Г. Овсепяна	16
Выступление Председателя Следственного комитета Республики Беларусь И.Д. Носкевича	28
Выступление заместителя Председателя Следственного комитета Республики Армения А.С. Гамбаряна.	38
Выступление руководителя управления международного сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации О.Ю. Михайлова	46
Выступление ректора Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации А.И. Ефремова.	58
Выступление заместителя руководителя управления международного сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации - руководителя отдела международного взаимодействия П.А. Литвишко	64
Выступление заместителя Председателя Следственного комитета Республики Армения, начальника Главного военного следственного управления Г.М. Григоряна.	92
Заявление по итогам первого совместного заседания коллегий Следственного комитета Республики Армения, Следственного комитета Республики Беларусь и Следственного комитета Российской Федерации.	114

Проблемы уголовно-процессуального порядка и международно-правового сотрудничества по делам о военных преступлениях

В отличие от уголовного процесса в его обычном понимании проблема уголовно-процессуального порядка и международно-правового сотрудничества по делам о военных преступлениях

относится к числу наименее разработанных в теории уголовного-процессуального и международного права,¹

¹ Отдельные аспекты уголовно-процессуального порядка по

и на сегодняшний день целостного понимания рассматриваемой проблемы нет, а потребности законодательной и правоприменительной практики остро нуждаются в разработке теоретических положений о правовом регулировании оснований и порядка производства следственных и иных процессуальных действий, в том числе и на территории противоборствующей стороны вооруженного конфликта.

рассматриваемой категории дел, как сопутствующие, проводились немногочисленными современными учеными в рамках исследований вопросов материального права и деятельности международных уголовных судебных учреждений. Заранее принося извинения всем ученым в сфере МУП, не упомянутым нами, отметим, что отдельные аспекты этой стадии уголовного процесса по рассматриваемой категории дел затронуты в научных трудах И.Ю. Белого, Блищенко, Г.И. Богуша, А.И. Бойцов, Р.М. Валева, А.Ю. Винокурова, А.Г. Волеводза, И. Гловюк, С.В. Глотова, С.А. Грицаев, Л.В. Иногамова-Хегай, А. Кассезе, О. Касынюк, А.Р. Каюмовой, Кибальника, А.Г. Королева, Н.А. Костенко, Н.И. Костенко, С.А. Лобанова, И.С. Марусина, А.Б. Мезяева, С. В. Маликова, Н.Г. Михайлова, О.И. Рабцевича, Ю.С. Ромашева, В. Н. Русинова, К. Сафферлинга, Е.Н. Трикоз, И. Фисенко и др.

Сложность и многоплановость проблемы определения уголовно-процессуального порядка расследования военных преступлений обусловлена рядом особенностей: высокой степенью вмешательства во внутренние дела другого государства или образования, существенным образом затрагивающего национальные интересы противоборствующей стороны²; неизбежностью политизации процесса расследования; производством расследования на пограничной линии между национальным

2 Отдельные аспекты правового регулирования оснований и порядка производства следственных и иных процессуальных действий за рубежом, а также некоторые проблемы осуществления уголовно-процессуальной юрисдикции, действия уголовно-процессуального закона на территории иностранных государств рассматривались в научных трудах С.М. Горяинова, Ф.Ф. Мартенса и Н.С. Таганцева, О.И. Александровой, Е.Н. Арестовой, В.С. Балакшина, А.И. Бастрыкина, Б.Т. Безлепкина, Г.В. Бобылева, А.И. Бойцова, А.Г. Волеводз, В.М. Волженкиной, Ю.Г. Дёмина, В.П. Зимина, А.Р. Каюмовой, А.Г. Кибальника, А.Г. Князева, П.А. Литвишко, И.И. Лукашука, С.С. Малаева, О.А. Малышевой, В.В. Милинчук, А.В. Устинова, Е.Е. Феоктистовой, О.С. Черниченко и др.

суверенитетом и международной ответственностью, в зоне между правовой и политической сферами; возбуждением уголовных дел в отношении лиц, совершивших военные преступления на территории противоборствующей стороны и подпадающих в т.ч. и под ее юрисдикцию; отсутствием заинтересованности противоборствующей стороны, на территории которой совершено преступление, по тем или иным причинам не проводить объективное и квалифицированное расследование, а в ряде случаев откровенно противодействовать расследованию; ограниченными возможностями собирания доказательств на территории противоборствующей стороны при нахождении там части свидетелей, подозреваемых, обвиняемых и др. доказательств; отсутствием правового регулирования оснований и порядка производства следственных и иных процессуальных действий на территории противоборствующей стороны; неизбежной коллизией конституционных, процессуальных и материальных норм, действующих на территории противоборствующих

сторон; неисполнением сторонами запросов о правовой помощи.

В целом эта проблема выходит далеко за пределы национального УПК.

Следственная и судебная практика различных стран, а также практика международно-правового сотрудничества в сфере уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления, свидетельствует о распространении действия уголовного и уголовно-процессуального законов государства в отношении лиц, совершивших военные преступления вне пределов государства³, и осуществлении своей

³ Ч.3 ст. 15 УК РА «Действие уголовных законов в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Республики Армения»: Иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие в Республике Армения постоянно, совершившие преступление вне пределов Республики Армения, подлежат уголовной ответственности по Уголовному кодексу Республики Армения, если они совершили: 1) преступления, предусмотренные международным договором Республики Армения; 2) тяжкие или особо тяжкие преступления, направленные против интересов Республики Армения или прав и свобод граждан Республики Армения.

уголовной юрисдикции на основании принципов экстерриториальной⁴ и универсальной⁵ юрисдикций,

4 Напомним, что осуществление государством уголовной юрисдикции в отношении физических лиц основано на ряде базовых принципов. Основными из них являются территориальный, персональный (национальный, принцип активного гражданства), пассивный персональный (принцип пассивного гражданства), принцип защиты (безопасности или реальный) и универсальный принципы: территориальный – зависит от места совершения преступления и предполагает полное осуществление уголовной юрисдикции государства в отношении всех лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние и находящихся в пределах его территории; персональный (гражданства, активный персональный) – зависит от гражданства правонарушителя и предполагает распространение уголовно-правовых норм государства на своих граждан, независимо от места их нахождения; пассивного гражданства (пассивный персональный) – зависит от гражданства жертвы преступления; защиты (безопасности или реальный) – зависит от того, нарушены ли интересы государства и затронута ли безопасность государства; универсальный – зависит от того, рассматривается ли нарушение как угроза всему человечеству.

5 Согласно Консультативной справке МККК «Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений» экстерриториальный принцип

защиты требует «наличия определенной связи между совершенным деянием и государством, осуществляющим свою компетенцию, тогда как универсальная юрисдикция – дополнительное основание для применения экстерриториальной юрисдикции – наличия подобной связи не требует». Современная доктрина международного права, отраженная в широко известных документах – Принстонских принципах универсальной юрисдикции (2001 год) и Резолюции по принципу универсальности Института международного права (2005 год) – признает, что универсальная юрисдикция базируется исключительно на характере совершенного преступления, безотносительно существования какой-либо связи с государством, устанавливающим данную юрисдикцию, и применяется к «серьезным международным преступлениям», к которым относятся: 1) пиратство; 2) работорговля; 3) военные преступления; 4) преступления против мира; 5) преступления против человечности; 6) геноцид; 7) пытки. Доклад Генерального секретаря ООН «Охват и применение принципа универсальной юрисдикции» 2013 года и предшествовавшие ему доклады показывают значимость и примеры реализации подобной универсальной юрисдикции на национальном уровне зарубежными странами, в особенности, когда государство не может или не желает противодействовать совершаемым на его территории военным преступлениям. При этом международное право не налагает какого-либо запрета на осуществле-

что резко меняет сам характер расследования, уголовного преследования, судебного разбирательства и его международно-правовой основы. При этом, как известно, и экстерриториальная, и универсальная юрисдикции предполагают использование национальных уголовных и уголовно-процессуальных законов. Однако производство расследования таких дел только на основе национального УПК, без учета международно-правовых норм и механизмов расследования таких преступлений, без производства следственных и процессуальных действий на территории и с участием представителей противоположной стороны резко ограничивает полномочия органов расследования, что затрудняет обеспечение эффективного расследования и уголовного преследования лиц, ответственных за военные преступления.

Правовой анализ реалий современности свидетель-

ние этой юрисдикции *in absentia* – в отсутствие подозреваемого или обвиняемого на территории государства, ведущего производство по уголовному делу.

ствует о том, что привлечение к ответственности представителей противоположной стороны вооруженного конфликта, в т.ч. лиц из числа действующего военно-политического руководства, сегодня возможно только на международном уровне⁶. Несмотря на то, что действие международных иммунитетов вообще не препятствует привлечению виновных в совершении международных преступлений к уголовной ответственности и международное право декларирует возможность уголовного преследования национальными органами уголовной юстиции действующих высокопоставленных

⁶ Более того, на наш взгляд, если бы национальные (иностраные) суды государств могли бы привлекать к уголовной ответственности действующих глав других государств, то ситуация породила бы разного рода политические злоупотребления и создала бы угрозу стабильности в международных отношениях государств. Поэтому, на наш взгляд, такая прерогатива должна быть только у МУС (т.е. должна основываться на «вертикальных отношениях»), как «суда последнего уровня», и международные иммунитеты должны не действовать только в рамках преследования, осуществляемого МУС.

должностных лиц иностранных государств, совершивших военные (международные) преступления, тем не менее отсутствие практики привлечения национальными органами уголовной юстиции иностранного государства к уголовной ответственности действующих высокопоставленных должностных лиц противоборствующего государства, совершивших военные преступления, свидетельствует о том, что в международном праве не сложилось международного обычая о приоритете принципа индивидуальной ответственности высших должностных лиц государства за международные преступления над международными иммунитетами⁷

⁷ Рассматривая вопрос об иммунитете должностных лиц, необходимо отметить, что военные (международные) преступления совершаются, как правило, руководителями и высшими должностными лицами государства, использующими всю мощь государственного аппарата для своих преступных деяний. Как правило, такие лица в своих государствах являются практически недостижимыми для национального правосудия. Это обуславливает необходимость уголовного преследования военных (международных) преступлений, осуществляемого

ratione personae (персональный) в случае, когда преследование происходит на национальном уровне.

Вместе с тем международное право исходит из правомерности преследования национальными органами уголовной юстиции бывших высокопоставленных должностных лиц иностранных государств, т. е. в случае утраты

международными уголовными судами и национальными (иностранскими) судами, которые, действуя на основании экстерриториального и универсального принципов, могут привлекать к ответственности иностранцев. Именно здесь и возникает конфликт между принципом индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления и международными иммунитетами, так как высшим должностным лицам государства по международному праву предоставлен иммунитет *ratione personae* (персональный) и иммунитет *ratione materiae* (функциональный). При этом иммунитет *ratione materiae* защищает глав государств и других высокопоставленных лиц от уголовного преследования за деяния, которые они совершили в официальном качестве в течение срока своих полномочий. Иммунитет *ratione personae* имеет процессуальную природу и налагает запрет на любое уголовное преследование в то время, когда лицо занимает соответствующую должность.

иммунитета *ratione materiae* (функциональный)⁸. Строго говоря, приоритет принципов индивидуальной уголовной ответственности и неотвратимости наказания перед международными иммунитетами при осуществлении преследования на международном уровне фактически действует, а на национальном уровне носит чисто декларативный характер и фактически не действует до тех пор, пока не утратят свою силу материальные иммунитеты бывших руководителей и иных высокопоставленных лиц государств, т.е. на практике соотношение принципа индивидуальной уголовной ответственности и международных иммунитетов меняется в зависимости от того, какие органы уголовной юстиции осуществляют уголовное преследование – национальные или международные. Наш вывод также подтверждается многочисленными примерами судебной практики и практической невозможно-

⁸ *Sears J. M. Confronting the «Culture of Impunity»: Immunity of Heads of State from Nuremberg to ex parte Pinochet // German Yearbook of International Law. 2000. P. 145-146.*

стью привлечения к уголовной ответственности действующих высших должностных лиц ряда государств национальными органами уголовной юстиции другого государства, а также невыполнением своих обязанностей в этой сфере Международной организацией уголовной полиции.

Таким образом, на сегодняшний день единственно возможным и перспективным вариантом привлечения действующих руководителей и иных высших должностных лиц противоборствующего государства к уголовной ответственности за совершение военных преступлений может быть инициация процедуры расследования международных преступлений в международном уголовном суде.

При этом привлечение бывших руководителей и иных высших должностных лиц противоборствующего государства к уголовной ответственности за совершение военных преступлений возможно и национальными органами уголовной юстиции другого государства.

Представляется, что, руко-

водствуясь принципом универсальной юрисдикции⁹, органы уголовной юстиции в качестве правовой базы привлечения к ответственности указанных лиц автоматически задействуют существующий в МГП, но не конкретизированный в УПК международный механизм расследования. Ведь государства, подписывая основные договоры МГП, обязуются осуществлять уголовное преследование лиц, совершивших серьезные нарушения МГП. Общеизвестно, что основания для осуществления универсальной юрисдикции в отношении военных преступлений присутствуют одновременно в международном договорном и обычном праве¹⁰.

⁹ Принцип универсальной юрисдикции означает, что каждое государство вправе судить лиц, обвиняемых в совершении преступления по международному праву, невзирая на то, где совершено преступление и каково гражданство преступника или жертвы.

¹⁰ Важнейшая роль в определении статуса обычного и договорного права во внутренней правовой системе принадлежит Конституции, положения которой могут помочь обосновать осуществление универсальной юрисдикции там, где это допускается или требуется международным

Договорным правом охватываются только серьезные нарушения¹¹, а обычным правом охватываются все нарушения законов и обычаев войны, являющиеся военными преступлениями¹². Если универсальная юрисдикция устанавливается договором, она, как правило, является обязательной, и примеров привлечения к ответственности

правом.

¹¹ В договорном праве, ст. 49 I Женевской конвенции, ст. 50 II Женевской конвенции, ст. 129 III Женевской конвенции, ст. 146 IV Женевской конвенции, предусматривают ряд процессуальных обязательств для государств-участников разыскивать предполагаемых военных преступников, предавать их «независимо от их гражданства своим собственным судам» либо передавать таких лиц для суда над ними другим государствам при условии, что такое государство привело достаточно серьезные доказательства для возбуждения дела, обеспечить для обвиняемых лиц гарантии надлежащей судебной процедуры и право на защиту.

¹² Международное обычное право не требует обязательного осуществления государствами своей юрисдикции. Оно, скорее, дает государствам возможность по своему усмотрению осуществлять или не осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении военных преступлений, не являющихся серьезными нарушениями.

лиц за военные преступления национальными органами на основе универсальной юрисдикции множество¹³.

¹³ Этот принцип ярко иллюстрирует дело Эйхмана – главы отдела гестапо нацистской Германии по делам евреев и эмиграции, который персонально виновен в организации истребления миллионов евреев. Именно решением по этому делу Верховный суд Израиля постановил, что привлечение виновных лиц за военные преступления, преступления против человечности и геноцид носит универсальный характер. А государство, осуществляющее универсальную юрисдикцию, выступает в качестве «агента мирового сообщества» и действует с целью поддержания мира и всеобщей безопасности. Об использовании универсальной юрисдикции в отношении именно военных преступлений свидетельствует и судебная практика различных стран мира.

Так, в 1994 г. Р. Сарич – боснийский серб, находившийся на территории Дании с целью получить убежище, за убийства и пытки пленных в боснийском лагере был приговорен датским судом к восьми годам заключения. При этом суд квалифицировал его действия как серьезные нарушения ст. 129 и 130 III Женевской конвенции, ст. 146 и 147 IV Женевской конвенции в совокупности со ст. 8 (5) УК Дании. В 1997 г. Верховный Суд Баварии (ФРГ) признал боснийца Дьяжича виновным в четырнадцати эпизодах убийств, основываясь на п. 1 пар. 6 УК ФРГ («убийство»)

и ст. 3, 146, 147 IV Женевской конвенции 1949 г. В 1997 г. Верховный Суд Нидерландов за военные преступления, совершенные в отношении мусульман в Боснии и Герцеговине, осудил боснийского серба Д. Кнешевича. В 1997 г. Военный трибунал г. Лозанны (Швейцария) приговорил к пожизненному заключению гражданина Руанды Ф. Ньонтезе, который был признан виновным в военных преступлениях, совершенных в Руанде в 1994 г. Этот приговор был подтвержден Кассационным военным трибуналом Швейцарии. В 2004 г. окружной суд Роттердама (Нидерланды) осудил гражданина Демократической Республики Конго за пытки, совершенные им в отношении граждан Демократической Республики Конго на территории этой страны. В 2005 г. окружной суд Гааги осудил двух бывших афганских генералов тайной полиции Афганистана за военные преступления и пытки, совершенные в 80-х годах в Афганистане в отношении граждан Афганистана. В 2005 г. суд в Великобритании приговорил афганского полевого командира Фариади Зардада к 20 годам тюремного заключения за совершение актов пыток и захвата заложников в отношении афганцев в Афганистане в середине 90-х годов. В 2005 г. судья в Великобритании вынес постановление о заключении под стражу бывшего израильского генерала Дорона Альмога в связи с его участием в серьезных нарушениях Женевских конвенций в секторе Газа. Допустимость применения универсальной юрисдикции подтверждается и прецедентной прак-

тикой Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Это нашло свое отражение в ряде его решений. Так, Постановлением ЕСПЧ 2007 года по делу «Йоргич против Германии» признано правомерным осуждение германским судом к пожизненному заключению гражданина Боснии и Герцеговины сербского происхождения Йоргича за совершение в 1992 г. актов геноцида в районе Добой на территории Боснии. Постановлением ЕСПЧ 2009 года по делу «Ульд Дах против Франции» признано правомерным осуждение в 2005 г. французским судом к 10 годам тюремного заключения

и штрафа в размере 15 000 евро гражданина Мавритании – офицера разведки мавританской армии за совершение в Мавритании в период 1990 и 1991 гг. актов пыток в отношении военнослужащих, обвиняемых в подготовке государственного переворота. К ярким примерам практики привлечения лиц за международные преступления национальными органами уголовной юстиции, в том числе и на основе универсальной юрисдикции можно отнести также дело А.Пиночета, арест в Сенегале главы Чад, выдача бельгийским судьей ордера на арест министра иностранных

Представляется, что руководствуясь принципом универсальной юрисдикции, национальные органы уголовной юстиции получают более широкие возможности расследования, основанные как на принципах международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечности, провозглашенных ООН 2 декабря 1973 г., так и на сформированной МГП правовой базе для международно-правового сотрудничества, чем, возможно, аполитизируется и сам процесс расследования и обеспечится выполнение своих обязанностей Международной организацией уголовной полиции.

дел Конго, единогласное решение от 29 мая 1998 г. Французской Национальной Ассамблеи в отношении проекта закона, согласно которому Франция признает, что в 1915 г. имел место геноцид армян. См.: *Волеводз А.Г.* Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2014. № 3(34). С. 52-57

Наш вывод подтверждается и позицией МККК о том, что универсальная юрисдикция может осуществляться либо путем принятия внутренних законодательных актов (законодательная универсальная юрисдикция), либо в форме следствия над лицами, подозреваемыми в совершении правонарушений, и предания их суду (правоприменительная универсальная юрисдикция). Первая значительно чаще находит практическое воплощение в деятельности государств, чем вторая и, как правило, представляет собой ту основу, которая необходима для проведения расследования и судебного разбирательства. Однако существует возможность обосновать свою юрисдикцию непосредственно международным правом и осуществить «правоприменительную» универсальную юрисдикцию без какой бы то ни было ссылки на внутреннее законодательство¹⁴.

Так, Республика Армения с 7 июня 1993 г. является участницей четырех Женевских конвенций (1949г.)

¹⁴ Консультативной справке МККК «Универсальная юрисдикция в отношении военных преступлений»

и двух Дополнительных протоколов (1977г.) к ним. Руководствуясь общим обязательством государств, вытекающим из принципа *pari passu servanda*, т. е. принципа добросовестного выполнения государством взятых на себя обязательств по соответствующему международному соглашению, который закреплен в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Армения, как и большинство государств, закрепила в национальном законодательстве нормы международного права о военных преступлениях. Однако надлежащие процессуальные механизмы обеспе-

чения этих международных договоров, а также процессуальные аспекты международно-правового сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства до настоящего времени не имплементированы и не учтены в уголовно-процессуальном кодексе Республики Армения.

Таким образом, дела в отношении военных преступлений могут находиться не только в юрисдикции национальных органов уголовной юстиции, но и в юрисдикции национальных органов других государств, а с момента учреждения и в МУС.

Однако юрисдикция МУС в отношении военных престу-

плений, согласно ст. 8 Статута, распространяется тогда, когда они совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений и, что самое главное, независимо от факта ратификации государством Статута. Совет Безопасности ООН на основании статьи 41 гл. VII Устава ООН в соответствии с ст. 13 «b» Статута, может передать ситуацию для рассмотрения Прокурору МУС¹⁵.

¹⁵ Так, например, хотя Ливия не ратифицировала Статут МУС (являющийся международным договором) и не участвует в нем, в силу чего МУС не обладает юрисдикцией в отношении руководителей Ливии, поскольку по общему правилу договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия, а такого согласия Ливия не давала, тем не менее 27 июня 2011 г. Палата предварительного производства МУС удовлетворила ходатайство Прокурора МУС и приняла решение о выдаче ордеров на арест М. Каддафи, т.е. в отношении действующего главы государства, пользующегося иммунитетом от уголовного преследования, его сына Сейфуль-Ислама Каддафи и начальника военной разведки Ливии А. Аль-Сенусси. Такому решению предшествовала Резолюция 1970 (2011) СБ ООН от 26 февраля 2011 г. на основании п. 4, «передать вопрос о ситуации в Ливийской Арабской Джамахи-

Что касается сотрудничества МУС и национальных органов, то Статут устанавливает обязанность для государств-участников оказывать МУС правовую помощь в соответствии с законодательством запрашиваемого государства. Причем такое сотрудничество в основном одностороннее – от государств МУС и как минимум должно охватывать установление местонахождения лиц, получение свидетельских показаний, сбор вещественных доказательств, вручение документов, проведение других процессуальных действий. В таком случае основную часть информации будут составлять материалы, собранные национальными органами. Именно так, на

рии в период с 15 февраля 2011 года на рассмотрение Прокурора МУС», а п. 5 обязывал - «что ливийские власти должны в полной мере сотрудничать с Судом и Прокурором и оказывать им всю необходимую помощь во исполнение настоящей резолюции, и, признавая, что государства, не являющиеся участниками Римского статута, не несут обязательств по Статуту, настоятельно призывает все государства и соответствующие региональные и прочие международные организации сотрудничать с Судом и Прокурором в полном объеме».

наш взгляд, концептуально построен механизм расследования в рамках МУС.

Хотя Арменией с 1 октября 1999 г. и подписан, но до настоящего времени не ратифицирован Римский Статут МУС. Несмотря на то, что на данный момент Римский Статут МУС ратифицировали 124 государства, тем не менее наблюдается тенденция отказа от ратификации Римского Статута МУС ряда государств, считающих этот международный орган правосудия политизированным, защищающим исключительно интересы ряда западных держав. Так, например, руководствуясь национальными интересами, Римский Статут МУС отказались подписывать более 40 из 193 стран – членов ООН, в т.ч. Китай, Израиль, Индия, Иран, еще около 30 государств подписали его, но не ратифицировали. в т.ч. США и др.¹⁶ О выходе из состава МУС 26 октября 2016 г. заявила Гамбия, 19 октября 2016 г. – ЮАР, о скором выходе из состава МУС объявили Бурунди, Кения, Филиппи-

16 См.: URL <http://www.bbc.com/russian/features-38001948> (дата обращения 15 января 2017 г.).

ны, а 16 ноября 2016 г. Распоряжением Президента РФ № 361 Россия направила уведомление Генеральному Секретарю ООН о намерении не быть участником Римского Статута МУС, которое было подписано от имени России 13 сентября 2000 г.¹⁷

Представляется, что для Армении, которая заинтересована в расследовании военных преступлений, совершенных в период нагорно-карабахского вооруженного конфликта, одним из лучших вариантов станет ратификация Статута и активное участие в деятельности МУС.

Ратификация Статута МУС повлечет за собой необходимость внесения изменений в действующее законодательство путем включения соответствующих предписаний в национальные законодательные акты.

Однако решение о ратификации является крайне непростым, требующим политической воли и вряд ли будет принято в ближайшее время.

17 См.: URL http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement//asset_publisher/t2GCdmD8RNlr/content/id/2523566. (дата обращения 15 января 2017 г.).

Изложенное предопределяет существо предлагаемого нами возможного уголовно-процессуального порядка расследования военных преступлений и международно-правового сотрудничества в этой сфере. С учетом перечисленных положений решение проблемы видится в проведении правотворческой деятельности по правовому обеспечению расследования военных преступлений в законодательстве Республики Армения и в условиях отсутствия решения о ратификации Статута МУС.

Представляется, что необходимо полностью реа-

лизовать принцип (rule of international law) соответствия национального законодательства и международного права, совмещая и взаимодополняя различия процессуальных порядков расследования военных преступлений, предусмотренных правоприменительной практикой национальных и международных органов уголовной юстиции и, признавая универсальность и международную правосубъектность Статута МУС, сопоставляя цели и принципы законодательства Республики Армения в сфере расследования военных (международных) преступлений

с принципами и нормами расследования, предусмотренных в МУС, скорректировать нормы УПК РА, ликвидировав несовместимость норм УПК РА и Статута МУС.

С учетом того, что цели и задачи настоящего доклада заключались в обозначении правовых проблем уголовно-процессуального порядка расследования военных преступлений и международного - правового сотрудничества по делам о военных преступлениях, формы которых отличны от привычных представлений о формах международного правового сотрудничества по обычным делам, и предложении путей их преодоления, а также того, что объем статьи и регламент не позволяют нам подробно рассмотреть каждое положение, мы не будем выходить за рамки темы доклада и ограничимся лишь некоторыми замечаниями уголовно-процессуального характера, не затрагивая уголовно-правовых проблем.

В этой связи для единого регламентирования и исключения дублирования основного массива норм УПК РА, в т.ч. и в содержании ино-

го закона РА, предлагаем в разделе 13 «Особенности производства по делам об отдельных преступлениях» действующего УПК РА (принят 01.07.1998 г.), предусмотреть новую главу 50.2 изложив ее в следующей редакции: «Особенности производства по делам о военных преступлениях, совершенных представителями противоборствующей стороны вооруженного конфликта».

В состав проектируемой главы 50.2 необходимо имплементировать по способу трансформации¹⁸ нормы и процедуры, соответствующие положениям Статута и Правилам и процедурам доказывания, а также особенностям уголовно-процессуального порядка расследования военных (международных) преступлений, отражающих следующие основные положения.

О порядке возбуждения уголовного дела на основании принципа универсальной юрисдикции, что даст

¹⁸ Трансформация предполагает определенную переработку норм соответствующего международного договора с учетом принципов и традиций национальной правовой системы.

возможность расследовать военные преступления, в т.ч. совершенные на территории Нагорно-Карабахской Республики, без каких-либо двусторонних соглашений или договоров с НКР, как акт доброй воли в борьбе с военными преступлениями, по принципу *in absentia* (т.е. в отсутствие подозреваемого или обвиняемого на территории государства, ведущего производство по уголовному делу).

Об оптимизации процесса сбора доказательств, что предполагает внедрение и активное использование новых источников доказательств. Так, например, осмотр мест происшествий с использованием беспилотных летательных аппаратов, данные с космических спутников различных стран, на которых зафиксированы характер разрушений, их количество, а также места дислокации военных формирований, аэрофотоснимки, декодированные записи перехватов радиопереговоров, анализ разведданных, моделирование баллистики снарядов, выпущенных из артиллерийских и др. систем огневого поражения, путем калькуляции траекто-

рии полета этих снарядов, данные радаров, демонстрирующие воздушную обстановку, и др. С учетом того, что основными доказательствами в деятельности органов международной уголовной юстиции являются показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых и документы, а также того, что собранные в ходе расследования национальными органами уголовной юстиции доказательства в МУС могут быть рассмотрены в перспективе лишь в качестве документов, представляется необходимым для повышения качества расследования и объективизации процесса доказывания традиционное письменное протоколирование ряда следственных действий заменить на видеопотоколирование путем изготовления видеопотокола¹⁹, а ряд следственных действий производить посредством видео-конференц-связи, обеспечив широкое участие представителей

19 См.: Григорян Г.М. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими Вооруженных Сил Республики Армения в районах вооруженного конфликта: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., ВУ, 2009. С. 107.

международных организаций, таких как МККК, ОБСЕ, Human rights watch, "врачи без границ" и др. и различных СМИ.

С целью осуществления расследования и производства следственных и процессуальных действий на территории противоборствующей стороны необходимо предусмотреть порядок производства совместных расследований объединенными следственными бригадами из числа следователей национальных органов и МУС, с установлением объема полномочий таких следственных групп, порядка ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора за их деятельностью, а также порядка наднационального контроля и надзора, осуществляемого представителем Канцелярии Прокурора МУС, по примеру органа Европейского союза Евроюст (EuroJust), который будет осуществлять свои полномочия также на территории противоборствующей стороны.

Что касается уголовно-процессуальных проблем, которые могут возникнуть при сотрудничестве государств

в сфере борьбы с военными преступлениями, в частности, в сфере выдачи лиц совершивших военные преступления противоборствующему (другому) государству, то такой механизм носит чисто декларативный характер и на практике не работает, являясь на данный момент развития международного права бесперспективным, поэтому мы его рассматривать не будем. Отметим лишь, что статья 102 Статута МУС предусматривает, что термин «передача» означает доставку лица государством в МУС в соответствии со Статутом, а «выдача» означает доставку лица одним государством в другое государство в соответствии с положениями международного договора. Представляется, что необходимо усиление «вертикальной» модели сотрудничества МУС с государствами, что, на наш взгляд, подразумевает исключение механизма, когда запрашиваемое государство может по своему усмотрению приступить к рассмотрению просьбы МУС.

До перехода к заключению представляется важным кратко рассмотреть вопрос,

какие сегодня имеются альтернативные механизмы МУС для расследования военных преступлений, совершенных в период нагорно-карабахского конфликта? Представляется, что таких механизмов три.

Первый – создание международного уголовного трибунала *ad hoc*, по аналогу МТБЮ и МТР, однако эти трибуналы Советом Безопасности ООН создавались для рассмотрения более масштабных по времени и количеству дел ситуаций.

Анализ деятельности указанных трибуналов приводит к выводу, что такая модель на сегодняшний день бесперспективна.

Второй – формирование смешанного (гибридного) трибунала²⁰, либо интерна-

20 Примеры смешанных (гибридных) уголовных трибуналов и специализированных судов, способных осуществлять уголовное судопроизводство по делам о международных преступлениях: суды, формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции (смешанные гибридные суды на территории Косово (1999); коллегии с исключительной юрисдикцией в отношении серьезных преступлений в Восточном Тиморе (2000); специальный суд, созданный в соот-

ционализированных судов²¹. Отметим, что для функционирования таких трибуналов необходимо взаимодействие с государственными органами противоборствующего государства, что возможно только в условиях перемирия, однако существующие сегодня разногласия между Арменией, НКР и Азербайджаном вряд ли позволят достигнуть подобного консенсуса.

ветствии и на основе международных договоров государств с ООН (Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002). См.: Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 55–68.

21 Интернационализированные суды – специализированные судебные составы в национальных уголовных судах, к юрисдикции которых отнесено осуществление правосудия по делам о военных преступлениях с участием международных судей или иных участников уголовного процесса. Примерами таких судов являются: отдел по военным преступлениям Суда Боснии и Герцеговины (2005); Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи для преследования за преступления, совершенные в период Демократической Кампучии (2006). См.: Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 2. С. 55–68.

Третий – организация международного расследования следственной комиссией в рамках ООН²².

²² Так, Комиссия по расследованию обстоятельств конфликта может быть создана решением Совета Безопасности ООН, действующим на основании гл. VII Устава ООН. Например, Комиссия по расследованию в Дарфуре, созданная резолюцией СБ ООН, № 1564 (1994 г.) представила в 1995 г. подробный отчет в Совет Безопасности ООН, на основании которого СБ ООН передал в соответствии со ст. 13 «b» Римского статута ситуацию в Дарфуре Прокурору МУС. Другим примером международного расследования является Международная комиссия по установлению фактов, функционирующая на основании ст. 90 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. В соответствии с п. «в» ст. 90 Дополнительного протокола I Комиссия компетентна расследовать любые факты, которые, как предполагается, представляют собой серьезное нарушение Женевских Конвенций и протоколов к ним. Хотя Женевские конвенции и Дополнительный протокол I применяются к международным вооруженным конфликтам, комиссия заявила о своей готовности проводить расследование по фактам нарушения гуманитарного права в немеждународных вооруженных конфликтах при условии, что заинтересованные стороны дадут на это согласие. См.: Официальный веб-сайт комиссии: <http://www.ihffc.org>

Примерами таких комиссий являются Комиссия по расследованию в Дарфуре и Международная комиссия по установлению фактов. Несмотря на то, что Комиссия существует уже достаточно длительное время, она ни разу не была задействована. При обсуждении вопроса о необходимости создания МУС высказывалось мнение, что альтернативой его созданию можно считать систему международного расследования, действующую в сочетании с национальными судами. Международная комиссия по установлению фактов, на наш взгляд, в какой-то мере рассчитана на такую схему.

Однако в деятельности Комиссии по установлению фактов нет той взаимосвязанной цепи действий, как в уголовном процессе, и результаты международного расследования Комиссии просто невозможно использовать в ходе судебного разбирательства²³, они не получают

²³ В истории борьбы с международной преступностью имеются случаи, когда создавались специальные международные органы для расследования международных преступлений и преступлений между-

своей реализации, оставаясь лишь установленными фактами, заключающими в себе политические обвинения, без перспективы обвинительно-го приговора в суде, так как Комиссия не является органом международной уголовной юстиции²⁴.

Указанные альтернативы на сегодняшний день пред-

народного характера (комиссии по Югославии 1993 г., Руанде 1994 г., Сомали 1993 г., Бурунди 1995 г.). Однако деятельность ни одной из этих комиссий не привела к ожидаемым результатам, во всяком случае, в сфере уголовного преследования за нарушение МГП, так как даже в случае удачного проведения расследования оставался нерешенным вопрос использования его результатов в ходе судебного разбирательства. Причина в одном – эти комиссии и их деятельность не были частью международного уголовного судопроизводства.

24 Так, например, 12 августа 2008 г. Грузия обратилась с иском в Международный Суд ООН, в котором обвиняла Россию в нарушении международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (КЛРД) от 1965 г. Международный Суд ООН в апреле 2011 г. согласился с предварительными возражениями России, которые она подала в декабре 2009 г. о том, что он не обладает юрисдикцией для рассмотрения дела, а указанная конвенция неприемима к данной ситуации.

ставляются по ряду причин бесперспективными по крайней мере для Армении.

Таким образом, сегодня международно-правовое сотрудничество по делам о военных преступлениях является преимущественно политическим или, в лучшем случае, квазиправовым, и пока юридические механизмы преодоления противодействия расследованию по рассматриваемой категории дел отсутствуют, осуществление правосудия в отношении представителей противоборствующей стороны за совершение военных преступлений остается лишь предметом академического теоретизирования.

Представляется, что принципиального согласия различных государств, как основных субъектов международного права, по вопросам внешней политики в принципе быть не может. Всегда для одной из сторон любое решение будет политически сомнительным и неравным.

Ни одно государство не одобрило бы учреждение механизма международного расследования, чтобы расследовать действия их собствен-

ных граждан или не санкционировало бы механизм для того, чтобы расследовать действия своих политических союзников.

Однако противоположные политические интересы не должны отражаться на применении международного права, тех его норм и принципов, которые имеют основополагающее значение для обеспечения мира, защиты личности и жизненно важных интересов международного сообщества в целом от особо опасных для человеческой цивилизации нарушений принципов и норм международного права.

Правосудие и судебная система не должны зависеть от такого рода политических решений. Если правосудие должно уважаться, то оно должно быть беспристрастным, оно должно быть непредубежденным, и потенциальные военные преступники во всех странах, во всем мире должны знать, что они подвластны одному

и тому же международному правосудию²⁵.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что сегодня необходимо активизировать работу по имплементации положений Статута МУС, подготовить проекты законов о внесении в законодательство Республики Армения изменений и дополнений, направленных на обеспечение сотрудничества Армении с МУС, иначе обычный механизм расследования не позволит обеспечить производство ряда следственных и процессуальных действий на территории противоборствующей стороны. Как следствие, после возбуждения уголовных дел и известного алгоритма следственных и процессуальных действий в очередной раз расследование будет приостановлено, а список лиц, совершивших военные преступления, будет пополняться.

²⁵ *Richard J. Goldstone, International Jurisdiction and Prosecutorial Crimes, (1999) 47 Cleveland State Law Review 473 at p. 479.*

